

Сетко-Сеткевич Эдвард

"БОЖЕ. СПАСИ ДУШУ МОЮ"

Пред началом войны в 1939 г. я работал в качестве практиканта лесного хозяйства в Главном лесничестве Бяла (Беловежская Пуща), в 18 километрах от г. Хайнувки и на таком же расстоянии от г. Бяловежи. По административной принадлежности Главное лесничество относилось к повяту Бельск Подляски Белостокского воеводства.

В феврале 1940 года (точной даты не помню) прошла первая депортация в Сибирь. На наш лесной кордон ночью явились энкавэдисты и приказали собираться лесничему и его жене. Сам я ночевал в другом доме, где жил объездчик с семьей. Я быстро оделся и побежал на станцию, чтобы уехать в Волковыск, где жили мои родители. Вот так я избежал первой депортации, но вместе с семьей попал в третью по счету, - 20 июня 1941 г., накануне начала войны между немцами и русскими.*

В Волковыске я работал в «Райтранспирте» в должности бухгалтера, до самого дня, когда был депортирован с родителями и сестрой в посёлок Рыбинск, Верхне-Кетского района Новосибирской области. (* 2.). В этом поселке находился механизированный лесопункт. Здесь нас, и молодых, и пожилых, послали валить лес и весной сплавливать его по притоку Оби реке Кеть в Колпашево. Там брёвна вылавливали, строили из них плоты и отправляли в Томск, где была железная дорога и лесопильные заводы.

Нас погрузили в товарные вагоны, по сорок-пятьдесят человек в каждом. Девяносто вагонов тянули два поезда. Всё зарешечено, никакого туалета, даже самого примитивного, только двойные нары из досок по обе стороны от входа, вторые двери заколочены и в них проделана дыра взамен туалета. В нашем вагоне было нас сорок два человека, в том числе семь детей. Остальные взрослые, в том числе семья Швойницких (2 чел.), пани Лашкевич с четырьмя детьми, пани Зыбек, семья Гасперовичей (3 чел.), семья Волян. Сетко-Сеткевичи (4 чел.), семья Платек (4 чел.), Сливиньские (4 чел.). Некоторых из них давно уже нет в живых. Платек, Сливиньски и Гасперович сумели в сталинской Польше сделать карьеру. Я с ними не общаюсь со дня приезда в Польшу, хоть и жил с ними не только в одном городе, но даже на одной улице, и учился в одной школе. Сливиньского разжаловали из генералов, за отца, который был комендантом полицейского участка. Платек - и поныне полковник в Кракове, Гасперович тоже полковник, уволенный в запас

из военной разведки, живёт в Варшаве, на аллее Войска Польского, 220. С ними у меня пути разошлись и не сойдутся.

Везли нас три недели, за всё время только два раза принесли обед - в Куйбышеве и Новосибирске. Каждый день - два ведра воды и всё. Это завтрак, а умыться нечем. Нам сказали так: "Приедете - тогда и умоетесь".

Нас выгрузили в поселке Белый Яр (на реке Кеть), а потом перевезли на лодках в поселок Рыбинск и на другой день послали всех до единого на работу. Только пожилых, старше шестидесяти лет, не заставляли работать, а детей, начиная с тринадцати лет, не говоря о шестнадцатилетних, гнали на лесоповал; конечно, детей ставили на вспомогательные работы. Нам объявили, что мы являемся ссыльными и без разрешения нам никуда уезжать нельзя. Документы у нас отобрали.

Так действовало НКВД, чтобы не оставлять никаких следов. И мы половину июля, август и часть сентября работали в качестве бессрочных ссыльных.

В сентябре приехал представитель Польского Посольства из Куйбышева вместе с начальником местного НКВД. Всех поляков созвали на собрание. Доверенным лицом стал пан Швойници, 65-летний пенсионер-железнодорожник, а я стал его заместителем на Верхне-Кетский район. Там нас было около полутора тысяч поляков и небольшое число украинцев с предыдущих депортаций.

Верхне-Кетский район удален от Томска более чем на пятьсот километров только по реке, а от так называемого окружного города Колпашево на Оби (к северу от Новосибирска) - на двести километров по реке Кеть. Тайга летом непроходима; только зимой, когда все замерзает, можно проехать на санях. Через Посольство я добивался, чтобы меня и всю нашу молодёжь взяли в армию, которую формировал ген. Андерс, но безуспешно, а уехать на свой страх и риск было почти невозможно. Пассажирского транспорта не было, обращаться же к кому-то за помощью было бы напрасным трудом.

Моя работа заместителем доверенного лица давала результаты. Зимой я совершил двухсоткилометровую прогулку в Колпашево и выхлопотал продовольствие для польских граждан, страдающих в местах ссылки от нехватки теплой одежды и питания и от изнурительного труда в тайге. Труд был ручной, пила, топор, по десять часов в день в военное время. Все это и к тому же первобытные бытовые условия угнетающе действовало на людей, парализовало волю к жизни. Но все мы свято верили, что вернёмся на родину, не будем больше поливать своим потом бесчеловечную землю, и Провидение Божие смилуетя над измученным народом, от века верным и своей Церкви, и своей Отчизне. Из этой поездки мне удалось привезти на возах-саях столько продовольствия,

что каждому и каждой досталось по пятнадцать килограммов австралийской муки, три килограмма крупы, мыло, подсолнечное масло и много других продуктов, которых никто и никогда не видел в единственном магазинчике, где выдавался только хлеб. Мы получали: работающий пятьсот граммов, так наз. иждивенец – неработающий – двести граммов, и один стограммовый кусочек мыла в месяц. Сахара вообще не давали, его делили между собой начальство со своими приспешниками и служащие. Рабочему дулю под нос, вместо сахара или каких-то тканей. Мы обходились матерей, привезённой ещё из Польши. Полностью отсутствовали самые необходимые товары для трудящихся. Только однажды по указанию начальства выдали обувь.

Доведенным лицом на всю Новосибирску область был проф. университета им. Стефана Батория в Вильно Владислав Маттошка, позднее арестованный и осажденный на 10 лет тюрьмы. Как раз к его делу привесили и наш процесс. О дальнейшей судьбе профессора я ничего не знаю. А тогда к нам начала поступать материальная помощь в виде денежных пособий, одежды и Продуктов. Польское население ожило, уменьшилась бедность. Материальная и моральная нищета, укреплялся наш дух и вера в победу правды, добра над злом, царящим в раю Сталина-Берии. Нам ещё суждено было узнать много горя от этого тандема кудесников в коммунистическом раю, созданном на муки людям, чтобы те, кто выжил, передали потомкам, что значит насилие, диктатура и порабощение народов, не только нашего.

В октябре 1943 молодёжь забрали в армию, только это уже была армия Ванды Василевской. А меня оставили. В следующий призыв пойдете – так мне сказали.

В этой неустанной борьбе с жизнью и трудом наступил самый чёрный день моей молодой, неопытной, да и просто наивной жизни – арест. Это случилось 20 января 1944 года и было для меня как гром с ясного неба – за что, что я сделал? Кого я обидел, кому я причинил вред? Боже, спаси душу мою. Арест и домашний обыск потрясли моих родителей и сестру. НКВД забрало даже мои фотографии из семейного альбома. Все мои бумаги стали добычей НКВД – я помню, как сдавал документацию нашего представительства, буквально всю корреспонденцию и списки выдачи вещей, денег и продовольствия.

Так что ничего не осталось из вещей, которые было приказано сдать в июне 1943 года. В ордере на арест стояло обвинение в шпионаже в пользу Лондона и насильственное свержение советского строя. Абсурдное обвинение по статье 58 п. 2-6-10 и 11 уголовного кодекса. Меня увезли в Колпашево, где уже сидело под арестом всё представительство во главе с доверенным (а почему из нашего только я? А может быть, нашего доверенного сочли стариком?) Тут-то и начались энкаведешные игры. Нас, т.е. Ежи Михаловского, Мацкевича

(доверенное лицо в Колпашево), Байрашевскую, Засима, Кулецкого и меня, принялись "убеждать", что этот бред как раз то самое, чего мы хотели и что делали. Как видно, есть у НКВД свои приёмчики, если мы все (должно быть, по слабоволию) этому убеждению поддались. У людей есть пределы физической выносливости. Да и не только мы, слабохарактерные, как видно, сдались и подписали сочиненные следователями небылицы, ибо кто же и как долго все это выдержит? Дни! Ночи! в кабинете следователя без сна, без еды, пока не подпишешь бумагу. Физические издевательства, побои, - а разве лишение сна, пищи, - не пытка? И так было со мной самим. В результате, что сфабриковал следователь - и я подписал, и другие тоже (что меня хоть немного утешило - не только я оказался таким малодушным и слабохарактерным, слишком молодым, слишком неопытным), и сидевшие со мной в одной камере латыш-вице-адмирал и литовец-полковник из лагеря, в котором были интернированные поляки. Они меня подбадривали и сказали, что не устоял никто. Кто сюда вошел - будет осужден, и возврата нет.

Суд наш состоялся в апреле, где-то перед 1-я мая, точной даты не помню. Это была простая формальность. Расселись какие-то три субъекта, ещё следователь, прокурор и особа женского пола - она назвалась адвокатом, защитником. Всё это представление продолжалось не больше часа, и нас вывели из зала. Мы ждали ещё около часа, а затем нас всех вызвали и объявили, что все приговариваются к 10 годам лагерей, только пани Байрашевска, я и Альдер Засим - к 8 годам.

Назначенный срок отбыли, видимо, все. Пани Байрашевска осталась в Новосибирске, не знаю ее дальнейшей истории, а я и Засим вернулись в Польшу 31 декабря 1955 года. О судьбе остальных я ничего не знаю. После этой комедии нас, т.е. есть Мацкевича, Михаловского, Засима, Миколая Кулецкого, Леона Назаревича, Марию Байрашевскую и меня, увезли в Новосибирск и поместили в лагере № 4 (стеклозавод "Светлана"). Начиналось строительство этого завода, а нам выпала роль дармовой рабсилы. Такой удел предназначил нам Сталин - этот тиран, бандит, лишенный всего человеческого, преступник. Он насиловал все народы Европы, не только свой и нас, поляков.

Надо сказать, что давали нам пятьсот граммов хлеба, два черпака жидкости под названием "суп", а в случае выполнения нормы (выполнение нормы зависело от благосклонности бригадира) ещё черпачок каши, называемой "пшено-просо", вот и всё. То есть за десять часов тяжелого труда на стройке - такое количество пищи, которой не хватало, чтобы остаться живым, не говоря о том, чтобы ещё и работать. Спасали нас, подкармливая, польские евреи, которые работали там вольнонаёмными.

25 марта 1945 года, помню как сегодня, меня одного перегнали в лагерь и № 1 (центральный новосибирский), где я пробыл всего три месяца; там я встретил своего товарища Миколая Кулецкого - он работал на каком-то заводе, с тех пор я больше ничего не знаю о его судьбе, как ещё она его вертела, и о судьбе Ежи Михаловского тоже ничего. А что стало с Леонидом Назаревичем, знаю - я сам доставлял его в лагерную больницу сильно избитого русским уголовником. В больнице он и умер. Альдер Засим вернулся со мной в Польшу; его уже нет в живых. Мария Байрашевская осталась в Новосибирске - я слышал, что она по собственной воле вышла замуж за русского, местного жителя.

В июне 1945 года меня перевели в лагерь в Кривошёково (пригород Новосибирска на левом берегу Оби). Этот лагерь был под номером 3, все его "подопечные" работали на военных заводах. На один из этих заводов, производивших танковые мины, определили и меня. Там в результате изнурительного труда (10 часов) и скудного питания я быстро превратился в живой скелет, и докторша перевела меня на лёгкий труд в пределах лагеря (механические мастерские), добавив к этому так называемый лечебный паек (черпак, триста граммов каши). Работая там, я познакомился с поляком из-под Вылковыска, по фамилии Почобут (имя я забыл), и благодаря его помощи весной 1946 года устроился работать в лагерной конторе. Почобут славился как портной и обшивал лагерное начальство. Через главного бухгалтера, заключенного Роберта Кюста, меня приняли на должность бухгалтера. Там я работал с большим старанием, чтобы заслужить о себе хорошее мнение. Одновременно я расширял свои познания в бухгалтерском деле, в психологии, да и много ещё в чем, часто слушая лекции высокообразованных заключенных.

В 1947 году, тоже весной, я устроился на работу в качестве регистратора в амбулатории и больнице, которая находилась в этом лагере и обслуживала все его лагпункты. Там я ожил, оправился от ужасного истощения и дистрофии - перед этим я весил всего сорок шесть килограммов.

Но настал год 1948-й, и тоже весной начальница - майор медицинской службы - объявила мне, что на основании приказа из Москвы всех политических заключенных отправляют в спецлагерь в Норильск, а в их число входил и я. В этот же этап попал и мой прежний начальник Роберт Кюст, поволжский немец.

Так в конце весны 1948 года я оказался в Красноярске, в пересыльной тюрьме. В ней я просидел всё лето, и только в сентябре отправили этап в Заполярье - Нарымский Национальный Округ *(3).

К северу от Красноярска, за две тысячи километров, находится город Норильск, это теперь, а тогда его ещё не было, потому что именно мы, политзаключенные, возвели на вечной мерзлоте и заводы, и город, и

комбинат. Там я оказался в лагере № 4, на строительстве медеплавильного завода, 150-метровой трубы и центра города.

Лагерь № 4 Спецлаг (*4) в Норильске находится на расстоянии около двух километров от строящегося медеплавильного завода, а до города ещё два километра. В этом лагере я был недолго, но там я встретил Чеслава Лотаревича из АК виленской группы войск и подружился с ним. Он вернулся в Польшу в 1957 году, живёт с семьёй в Новой Гуте и работает на комбинате.

В 1949 году, благодаря помощи того же Кюста, мне снова удалось устроиться в контору. Но работал я в ней недолго: мною заинтересовалось лагерное НКВД и захотело сделать из меня доносчика. Понятно, я не согласился, и меня тут же отправили в лагерь № 1 на склоне горы, которую называли Медвежкой (* 4) На этой горе был карьер, здесь добывали руду открытым способом.

Эта руда содержала все цветные металлы (медь, цинк, серебро, вольфрам и т.п.). Ее возили большими грузовиками на расположенную ниже по склону обогатительную фабрику. Там руду дробили, промывали, разделяли на фракции и по большим трубам отправляли на медеплавильный завод, на цинковый и другие. Один завод был окутан тайной – серебро, золото или уран? Туда никто не имел доступа, даже офицеры. Все, кто там работал, и вольные, и заключённые, были полностью изолированы от остальных. Что с ними сделали потом, неизвестно. Об этом даже не было разговоров. Была там ещё угольная шахта - энергия и тепло для комбината и города.

Как же этот террор, неуверенность, страх разъедали наш ум и сердце! Какое счастье, что Бог смилостивился, что уже позади эти жестокие тоталитарные режимы. Меня послали на эти очень тяжкие работы, но я уже не так одинок и беззащитен: я попал в бригаду. Лагерь № 1 находился в южной части города, примерно за десять километров от центра по дороге, огибающей гору. Поначалу я работал в бригаде непосредственно на бурении шпуров и закладке взрывных зарядов - дело тяжелое и опасное. Со взрывными зарядами (закладка и подрыв) работали другие, вольнонаемные, которые приезжали и заключали трудовые договора на три года. Они получали 100 % северной надбавки и 10 % за каждый месяц. Через два с половиной года им давали полугодовой оплачиваемый отпуск плюс месяц на дорогу и бесплатный билет туда, куда они хотят поехать. А кто подписал договор на следующие три года, имел те же условия, но ещё мог получить путёвку в санаторий на всё время отпуска.

Однако вернёмся к заключённым и ссыльным (ссылные жили с семьями в городе, а не в лагере). Заключенные выполняли самые тяжелые работы: погрузку добытой руды на грузовики, перевозящие руду на заводы для переработки, погрузка вагонеток, работа на строительстве дорог,

укладка рельсов и т.п. В такую бригаду меня поставили, и я работал, как мог и насколько хватало сил. Зима там продолжается девять месяцев, и работа в эти месяцы была тяжелее.

Через какое-то время, точно не помню, но, кажется, что в мае 1950 года, я тяжело заболел цингой, со сплошными нарывами на ногах и под мышками. Это был результат простуд и скудного питания, хотя оно было здесь лучше, чем в Новосибирске и даже в других норильских лагерях. За восемь лет лагерей я не получил ни одной пары носков. В Норильске давали портянки, а в других лагерях и того не было – в резиновые бахилы засовывали солому, сено и всё прочее, что попадёт под руку. Поэтому переморозиться проще простого, а тут ещё однообразное питание - вот и болезнь.

Одним словом, я заболел, причём тяжело. К тому же большая слабость и цинга - зубы выпадают, всё тело в нарывах. Меня сразу отправили в больницу, где я пролежал три-четыре месяца. Помню, уколов-попеременно с глюкозой и кислотой (*6) - мне сделали бессчётное множество, и на руках у меня до сих пор шишки, столько раз меня кололи в вены и левой, и правой руки. Когда закончилось это лошадиное лечение, меня отправили механиком на ремонтные работы. Это стало возможно благодаря поддержке инженера Мечислова Турина - он руководил механическими мастерскими, где чинили даже экскаваторы, тяжёлые большие машины для погрузки руды. Меня назначили бригадиром ремонтников. На этой работе стало уже легче. Не страшен был мороз, не так ощущался голод при отсутствии витаминов. Питание заключённых было очень низкокалорийным: водянистый суп из капустных листьев и свеклы, горсть сушеной картошки, и всем давали черпак ячменной каши. Не могу понять, зачем это было властям: принудительный труд, полезный для общества и государства - и такое отсутствие заботы о людях, занятых этим тяжёлым трудом. Из одежды не было почти ничего, - правда, валенок хватало. И абсолютное отсутствие витаминов. После еды человек тут же засыпал, несмотря на отсутствие постели и матраца.

Баракы отапливала обслуга, а культурная жизнь в Норильске была ключом, благодаря множеству любителей и артистов эстрады, театра и кино, - именно среди заключённых. Лагерное начальство само охотно принимало участие в таких мероприятиях. Социальный состав политзаключённых был разнообразен, но преобладала интеллигенция и полуинтеллигенция всех национальностей Европы и Азии, а также бывшие деятели: политические, хозяйственные, научные (академики), бывшие дипломаты из европейских стран(сталинский режим бросил их в лагерь, как преступников), которым посчастливилось уцелеть. Сидел там и довоенный посол СССР в Румынии.

Лагерь, в котором я находился, был невелик и насчитывал около двух тысяч заключённых. У нас не было даже приличного клуба, культурная и интеллектуальная жизнь едва теплилась, был только труд и угнетение людей. В это время на нас нашили номера, мы были не людьми, а номерами. Взяли за образец гитлеровскую систему порабощения людей, принижения человека.

Я получил номер 0-932. Вот ещё одно подтверждение, что сталинизм - такая же или ещё худшая система уничтожения нежелательных и неудобных людей. А как раз поляки тогда и мешали режиму насаждать и укреплять свой коммунизм в Польше. Но поскольку существовал союз с Западом, ради борьбы с гитлеризмом, то нельзя было по старому, испытанному в 1936-1939 годах образцу уничтожить нас без следа. Вот и стали уничтожать изнурительным трудом, постоянным голодом, угнетением и унижением.

Поляки находились в каждом из лагерей, и мы не позволяли отнять, уничтожить наш дух, а холуёв - агитаторов за XVII-ю республику можно было пересчитать по пальцам (Ванда, Лямпе, Нашковски, да ещё пара-тройка всяких там Берутов и Охабов).

В своём лагере на руднике мы объединились. Основной фигурой был инженер Мечислав Турин, а далее Владислав Погожельски, Станислав Козловски из Новой Вилейки (*7), Болек из Драгомыча, - не могу вспомнить его фамилию, но его отец был там главным инженером на нефтепромыслах. Насколько я знаю, все они вернулись в Польшу, но где их искать, да и живы ли они, увы, не знаю: я, лесник, спрятался в лесной чаще и пытался забыть о прошлом, но оно сидело во мне как заноза. А за какие грехи? За какие вины так жестоко измывались над польским народом наши смертельные враги? Зато теперь ведут такие умильные разговоры о вечной дружбе. Может быть, и в самом деле нынешняя система хочет превратить ненависть в дружбу, поживём-увидим, но уже не мы, а наши дети и внуки. Потому что на такое способно только некоммунистическое правительство, а за 45 лет не сделано ровным счетом ничего: сплошная ложь, зло, бесчинства правителей. Народу предоставили выполнять приказы, но ни в коем случае не думать: это прерогатива властей.

В конце 1951 года, когда уже близилось к концу моё хождение по мукам, меня перевели в лагерь № 5 - что-то вроде центрального (* 8). Там были больницы, лагерные мастерские и отсюда же выпускали на свободу, проверив перед этим документы и директивы особого отдела НКВД: бывали случаи, когда даже после окончания срока незаслуженного наказания людей не выпускали из лагеря. В этом лагере меня полностью избавили от цинги и нарывов, благодаря лечебному питанию, и сохранили остатки зубов, целых восемь штук, а

весьма любезный зубной техник вставил мне мост и навел некое подобие порядка у меня во рту: ведь я в тридцать три года остался почти без зубов. Сегодня от них не осталось следа, одни протезы.

Ещё я хочу упомянуть в этих записках, что встречал в ещё более секретном лагере своего школьного приятеля Александра Жизньневского, осуждённого на 15 лет, который, как мне кажется, остался в Норильске, и слух о нём пропал. Ничего не слышно и о другом моем знакомом поляке, Станиславе Врубеле из Варшавы, хотя мы договаривались, что разыщем друг друга. Я искал его и продолжаю искать, но безуспешно.

И вот настал день 23 января 1952 года. После мучительных волнений меня вызвали и велели сдать лагерную одежду и всё остальное. В этот день вывели вместе 5 человек. Нас привели в милицию и велели ждать вызова. Уже совсем под вечер меня вызвали и заставили подписать параграф, что я не буду рассказывать, где я был и что делал. Когда я это подписал, мне объявили, что я теперь бессрочный ссыльный - "на вечном поселении". Никакого документа не дали, послали к коменданту: там мне скажут, сколько раз мне отмечаться - два или три раза в месяц. К работе приступить немедленно в соответствии со своей специальностью, трудоустройство гарантировано, и найти себе жильё. Из милиции я пошёл к знакомому, которого освободили раньше меня. Адрес мне сказали в милиции. Я его нашёл и поселился у него, бедняги, живущего в одной комнате, а кухня и ванная у него были общие с двумя другими семьями. При первой встрече мы радостно обнялись уже как свободные люди (не рабочий скот), хоть и оставались еще на этой бесчеловечной земле. Но мы твердо верили, что вернёмся на родину, к семье, к отцу и матери, в свой родной дом.

Я создал семью с дочерью ссыльного поляка Станислава Нивиньского. Он был репрессирован ещё в 1937 году, отсидел свой срок вместе с Туполевым; специалист по подводным лодкам, по образованию инженер-механик. Его дочь Лидия стала моей женой. Я поступил на работу в Управление торговли Комбината в должности бухгалтера-ревизора, а позднее ревизора-инспектора.

В 1954 году у нас родился сын Владислав (сейчас он капитан ВМФ, живет в Свиноуйшье, имеет инженерный диплом). Я с головой ушёл в семью, в работу, повстречал много знакомых и очень симпатичных русских, - тех умных и образованных людей, с которыми я работал. И наконец, благодаря настойчивым хлопотам моего брата Владислава меня вызвали в НКВД и там показали директиву министерства Иностранных Дел СССР о подаче заявок на репатриацию. А в начале ноября сообщили, что за мной придет грузовая машина и отвезет на аэродром, чтобы уехать на родину. Так сбылись мои мечты, мои жаркие грёзы о встрече с родными в Польше. В Красноярске нас разместили в

какой-то школе, где мы ожидали прибытия всех репатриированных. Там я встретил Мариана Бонхарда, Добжиньского, Альдера Засима, Полубочко и многих других. В конечном счёте нас привезли 31 декабря 1955 года в Мальборк, где жила моя семья. На этом завершаю своё описание хождений по мукам. Всё оно подлинное, никакой выдумки.

Сегодня после сорока лет труда, засчитанный стаж у меня - двадцать семь!

3. 10. 1989 г.

Эдвард Сетко-Сеткевич

Перевод: 9. 06. 93 г.. В.С.Биргера. Красноярск, об-во "Мемориал".

Примечания переводчика.

1. В настоящее время эту депортацию принято считать последней по счёту из четырёх.
2. Ныне Верхне-Кетский р-н входит в состав Томской области.
3. Правильно - Тамырский национальный округ.
4. 4-е л/о (лаготделение) Горлага (ИТЛ "ГР")
5. 1-е л/о (лаготделение) Гоцаара (ИТЛ "ГР").
6. Видимо, имеется в виду аскорбиновая кислота (витамин С).
7. ныне г. Науя Вильня в Литве.
8. 5-е л/о (лаготделение) Горлага (ИТЛ "ГРР").

ВОСПОМИНАНИЯ СИБИРЯКОВ, ТОМ III

издательство по Мост, Варшава 1990 г.

Стр. 5-12.